

УДК 811:37.02

РАЗДЕЛ 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Рудяков А. Н.

ОБЩАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Я думаю, что у всякого лингвиста, относящегося к своей науке как к призванию, как к высочайшей человеческой ценности, в обыденном, да и не только обыденном, сознании сводимой к орфографии, пунктуации или орфоэпии, рано или поздно возникает желание «поведать миру» правду о Языке и о Лингвистике, желание показать полезность знаний о сути этого — настолько естественного для Человека феномена, что при всей его неотъемлемости и краеугольности для homo sapiens мы почти перестали обращать внимание на то, что говорение есть по сути дела способ нашего человеческого — социального — существования.

Мы говорим так же естественно, как дышим, ходим, спим — и эта почти физиологическая природность нашей особенности делает ее настолько обыденной, настолько привычной, что мы не задумываемся о том, для чего мы это делаем.

В самом деле, мы знаем, что дышим мы для того, чтобы жить; спим для того, чтобы отдохнуть; ходим для того, чтобы переместиться в другую точку пространства... А что заставляет нас говорить? Может ли человек не дышать, не спать, не есть? А может ли человек не говорить?

Насколько произволен для человека выбор говорить или молчать? Для человека в любой из его форм существования — человечества, социума, личности?

Ответы на эти вопросы — ключ к определению истинного места лингвистики в мире Человека. Мы абсолютно уверены в том, что грядущая гуманитаризация науки будущего, в которой естественные и точные науки будут отодвинуты на свое законное — второе — место, выдвинет лингвистику в число одной из самых нужных человечеству дисциплин. Однако для того, чтобы соответствовать этому своему будущему предназначению, языкознание должно отказаться от целого ряда заблуждений, предрассудков, табу и увидеть свою насущную необходимость для всех тех, кого лингвисты привыкли называть «носителями языка», «пользователями языка» и кого правильнее было бы назвать «оснащенными языком» или даже «вооруженными языком», для всех тех, кто — согласно своей человеческой сути — использует язык для достижения своих целей.

Итак, для чего человек говорит?

В поисках ответа на вопрос “для чего человек говорит” было бы любопытно проинвестировать социологический опрос и узнать мнение “простых” носителей языка, не “испорченных” лингвистическим образованием. Хотя господствующий ответ можно предположить: “язык существует для того, чтобы передавать информацию». Автоматический ответ человека, получившего лингвистическое образование, по сути своей очень похож, хотя более изощрен: «Язык — это знаковая система,» — так скажет лингвист, а потом добавит: «И средство общения, или коммуникации».

Как представляется, очень полезным в наших поисках является вопрос о причинах возникновения той или иной реалии, или, в терминах системного подхода, о ее системообразующем факторе. Системообразующий фактор всегда принадлежит другой, более широкой, системе. В нашем случае к осознанию того, что есть системообразующий фактор естественного языка, мы можем подойти, попытавшись ответить на вопрос о том, что заставляет *Homo sapiens*'а передавать информацию.

Наша настойчивость в поисках ответа на этот вопрос понятна: хотим мы или не хотим, но все сущее в человеческом мире существует “для”, а не просто ради самого факта существования, и понимание того, “для чего это есть”, означает понимание сути этого нечто, причины его возникновения и бытия.

Насколько велика степень произвольности, необязательности, факультативности говорения? Может ли человек промолчать всю жизнь? Теоретически «да», но только в одном — абсолютно невероятном случае, о котором говорится в старом не то анекдоте, не то притче. В вольном пересказе история звучит так: в королевской семье родился мальчик; всем был хорош маленький принц — и здоров, и красив, и послушен, но вот беда — никак не начинал говорить. И мать, и отец места себе не находили: мальчику скоро 16, а он и не думает говорить. В день совершеннолетия принца свершилось чудо: когда неумелый лакей, подавая мальчику какое-то блюдо, нарушил этикет, тот совершенно неожиданно произнес нечто вроде: «Что же ты делаешь, негодяй?!». На расспросы совершенно счастливых родителей и придворных он ответил просто: «А зачем нужно было говорить? До сих пор все было **нормально**».

Отдавая должное мудрости этой сказки, мы должны, однако, заподозрить, что принц лгал. «Все» не могло быть нормальным. Чтобы это стало очевидным, попробуем определить, что такое «нормально» с точки зрения человека.

Как представляется, словом «нормально» кодируется ситуация, в которой **должное** (то, что я считаю идеальным, необходимым, желанным) не противоречит **данному, или сущему** (тому, что есть в реальном мире). Это означает, что нормальный мир — это мир, в котором все так, как представляется должным человеку, независимо от того, в какой из своих ипостасей он выступает — как индивид, как социум, как человечество.

Нормальный (с точки зрения *Homo*) мир — это мир, в котором флора и фауна осознают себя *пищей*: сама по себе выпарившаяся соль (не минерал, *вкусовая добавка*) будет падать на аппетитный кусочек мяса, который в ходе всего этого бала *осознавшего свое предназначение Универсума*, сам запрыгнет в рот *Homo*, которому в этих — нормальных — условиях никогда не стать *sapiens*'ом. Луна сама спустится на землю, если я (мы, *Homo*) захочу побывать на ней, речка проторит новое русло, чтобы я смог искупаться, не сходя с этого (там, где я здесь и сейчас) места. Ночь будет наступать только тогда, когда мне захочется спать... Это рай. Это полностью **очеловеченный** мир. Это мир, который пытается построить Человек, это мир, который убьет Человека, если он будет построен.

К счастью для нас, человеку всегда кажется, что что-то где-то не на месте; что-то когда-то не вовремя; чего-то где-то когда-то нет или, напротив, что-то есть; чего-то слишком мало или, напротив, слишком много; что-то слишком плохо, темно, светло, холодно; что-то не происходит или происходит не так, как должно; что-то не так организовано, что-то не в порядке.

Поэтому ответ на вопрос, почему мы говорим, только на первый взгляд странен: «По той же самой причине, что берем в руку молоток, топор, бормашину, кисть, месим тесто, сеем зерно, добываем руду и прочее, и прочее...». Он абсолютно не странен потому, что при всей своей внешней несхожести все эти деятельности направлены на решение одной задачи — на «очеловечивание» Универсума, на превращение его из “Универсума данного” в “Универсум должный”.

Для оснащения этой магистральной человеческой деятельности создаются инструменты. Материя организуется для использования в определенных целях, для обеспечения определенной деятельности, для того, чтобы функционировать, а не просто быть. Каждое дело требует своего инструмента.

Оглядимся вокруг. Только ли материальный мир является объектом наших нормализаторских, очеловечивающих усилий. Только ли среда обитания не такова, как нужно человеку? А сам человек? Ты? Он? Они? Все ли с ними, как должно быть?

Что делать, если мы осознали «непорядок» в сознании «ты», что делать, если «группа товарищей» не понимает, что яйцо нужно разбивать острым концом, а не тупым? Какой инструмент использовать? Во что организовать материю?

Ответ: в знаковую систему.

Единственным данным человеку самим человеком инструментом «наведения порядка» в сознании собеседника является язык. Говорение — это речевая деятельность, предполагающая построение текстов для воздействия на собеседника с целью регуляции его сознания.

Признание регулятивной функции основной системообразующей функцией языка позволяет получить адекватный ответ на вопрос, что заставляет Homo sapiens говорить: речевое, текстовое взаимодействие есть основная форма социального взаимодействия людей. Человек как социальное существо не говорить не может.

Лингвистика должна, следовательно, стать не наукой, посвященной классификации знаков, но наукой о текстовом взаимодействии индивидов, социумов, поколений.

Лингвистика должна стать наукой о формах и методах воздействия Homo sapiens на себе подобных.

Инструментом такого воздействия является текст. Его природа, его устройство подчинены необходимости выполнения этого назначения так же, как строение тела рыбы — для плавания, так же, как строение автомобиля — для передвижения по поверхности земли.

Эти абстрактные теоретические рассуждения имеют непосредственное отношение к методике преподавания языка — родного и неродного. Имеют прежде всего потому, что то или иное определение естественного языка задает его видение в ту или иную эпоху. Видение текста как инструмента регуляции в корне меняет методику его анализа, заставляет нас искать в нем авторское стремление к корректировке нашей — читательской — “картины мира”.

Покажем это на примере анализа стихотворения Марины Цветаевой “Красною кистью ...”

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.*

*Спорили**Сотни колоколов.**День был субботний:**Иоанн Богослов**Мне и доньне**Хочется грызть**Жаркой рябины**Горькую кисть.*

Великолепный текст, в полной мере демонстрирующий силу поэтического гения. Во-первых, потому что в девяти коротких строках выражена настолько глобальная, настолько насущная для каждого из нас идея; во-вторых, потому что во внешней форме текста нет ни одного слова, характеризующего саму идею.

Итак, наша задача формулируется очень просто и очень банально: наша задача понять этот текст, т. е. увидеть, что именно в нашей “картине мира”, в нашей системе ценностей, в наших представлениях о том, что важно, а что не очень; что необходимо, а без чего можно обойтись, кажется автору стихотворения “ненормальным”, т. е. нуждающимся в корректировке.

Понять — и, может быть, принять это авторское видение, заменив им соответствующий элемент своих представлений о том, как должно быть.

Приступая к анализу, который не хотелось бы именовать анализом, приступая к пониманию текста, мы должны осознавать, что силой, породившей этот текст, силой, организовавшей слова в эту великолепную целостность, является некое противоречие между должным — авторским — и данным — читательским — пониманием какой-то реалии. Мы говорим “какой-то”, потому что пока, после первого прочтения, мы не знаем, о чем этот текст.

По опыту показа этого стихотворения в разных аудиториях мы знаем, что, как правило, первая реакция на него абсолютно тематична: у слушателей еще не выработалась настороженная опаска по поводу внешнего текстового повествования. Как правило, говорят, что это стихи об осени, о дне рождения, о трагической судьбе поэтессы. Довольно скоро приходит осознание того, что, сказав: “Это стихи об осени”, мы по существу ничего не сказали и ничего не поняли.

Как же пробиться в это текстовое “зазначье”, как увидеть ту идею, ради выражения которой организованы эти строки?

Во-первых, нужно увидеть этот текст как целое, причем функциональное целое, некий инструмент воздействия, имеющий, как любой другой инструмент, лезвие и рукоятку. Во-вторых, нужно знать, что искать. Нужно искать “сквозной элемент”, который, впрочем, может быть назван совсем иначе, например, “ключевое слово”. В отличие от первого термина, акцентирующего внимание на структурной повторяемости этого компонента текста, второй актуализует его ядерность, центральность в текстовой целостности. Искать сквозной элемент и его семантическое преобразование в тексте.

Искать то противоречие между должным и данным, ради решения которого создается текст.

Достаточно долгий опыт такого анализа текстов привел автора к убеждению в том, что в каждом хорошем тексте — т. е. тексте, способном выполнить свою регу-

лятивную функцию, есть некая “царапина”, некая “шероховатость”, некая нарочитая противоречивость, выполняющая роль “привлекателя” внимания; роль некоего сигнала, показывающего, что не все так просто, как гласят буквальные значения слов. Причина появления таких “царапин” заключается в том, что автор текста, мечтающий о понимании, надеющийся на понимание, алкающий понимания, оставляет нам некую нить Ариадны, некий знак в лабиринте строчек, слов и ассоциаций.

В данном тексте такой нитью является весь третий катрен: “Мне и доньне Хочется грызть Жаркой рябины Горькую кисть”, который, конечно же, не имеет прямого “гастрономического” значения. Поиск его скрытого смысла заставляет обратить внимание на соотнесенность “рябины” и “жизни” в первом катрене: “Рябина зажглась... Я родилась”. Становится ясно, что смысл третьего катрена заключен во фразе “хочется жить”.

Следующий вопрос, который должен задать себе исследователь данного текста, звучит так: “Почему автор стихотворения говорит “хочется жить”? Здесь мы обращаем внимание на слово “доньне”... Здесь мы обращаем внимание на второй катрен и понимаем, для чего он нужен в этом стихотворении.

“Я родилась”, и жизнь обещала быть праздником: “Спорили Сотни колоколов, День был субботний: Иоанн Богослов”. Субботний день, апостольский праздник — жизнь началась именно и так, жизнь была таковой до тех пор, пока не наступило это “доньне”, заставившее усомниться в том, что жизнь так добра ко мне, заставившее задуматься, а нужна ли мне такая жизнь, какой она явилась мне в момент этого “доньне”?

Ответ автора звучит так: “Мне и доньне Хочется грызть Жаркой рябины Горькую кисть”. Иначе говоря, жизнь самое ценное, что у меня есть, независимо от того, какова она: горькая или праздничная.

Анализ стихотворения Марины Цветаевой не был для нас самоцелью. Мы пытались показать, как меняется восприятие текста при условии изменения определения естественного языка, а главное, насколько практична теоретическая наука, определяющая, формирующая наше видение конкретных лингвистических объектов в рамках той или иной научной лингвистической парадигмы.

Макеева Л. Н.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ТЕЗАУРУСА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Проблема обучения иностранному языку включает в себя, наряду со многими вопросами, еще требующими своего разрешения, также и вопрос обучения способам языковой интерпретации. В этом смысле выявление и описание коммуникативных единиц, то есть единиц, с помощью которых осуществляется реальное общение, приобретает первостепенное значение для коммуникативной методики обучения в целом, поскольку это дает возможность наметить систему единиц обучения языку как средству общения: слова с высокой частотой употребления несут более высокую коммуникативную нагрузку, и наоборот. Однако фактор частотности — это лишь часть проблемы, поскольку не только разные слова обладают дифференциальной частотностью, но и разные значения одной и той же лексической едини-